

АРТЁМ РАДИН

СЕДЬМАЯ ПЛАСТИНА

Память можно сохранить.
Но нельзя забрать без платы.

Артём Радин

Седьмая Пластина

«Автор»

2026

Радин А.

Седьмая Пластина / А. Радин — «Автор», 2026

Лондон, конец XIX века. После загадочного убийства фотограф Элеанор Мерсер обнаруживает невозможное: на старой серебряной пластине может сохраняться человеческая память. Но у каждого такого чуда есть цена. Вместе с инспектором Натаниэлем Ридом она выходит на след тайных экспериментов, где чужие воспоминания становятся оружием, а прошлое — товаром. Чем ближе они к разгадке, тем опаснее становится правда: некоторые двери лучше не открывать, а некоторые утраты нельзя вернуть без новой жертвы.

© Радин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Семь минут	5
ГЛАВА 2. Человек, потерявший вторники	9
ГЛАВА 3. Опытная серия VII	14
ГЛАВА 4. Святая Агнесса	19
ГЛАВА 5. Вторник	25
ГЛАВА 6. Дом Харкуртов	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Артём Радин

Седьмая Пластина

ГЛАВА 1. Семь минут

К тому времени, когда Элеанор Мерсер добралась до меблированных комнат на Блэк-фрайарс-роуд, дождь уже смыл кровь со ступеней, но не успел смыть толпу. Люди стояли под карнизом бакалейной лавки напротив, поднимали воротники и смотрели на дом с терпеливым любопытством тех, кому на вечер досталось чужое несчастье. У дверей спорили две женщины; одна держала корзину с капустой, вторая говорила, что слышала крик, хотя хозяйка дома уверяла констебля, что никакого крика не было.

Элеанор протиснулась внутрь, подняла деревянный кофр с камерой, чтобы не задеть его о косяк, и показала дежурному карточку, выданную ей доктором Граймсом. Констебль сначала прочёл имя, потом посмотрел на неё, потом снова на карточку. За последние пять лет этот порядок почти не менялся.

— Фотограф? — спросил он.

— Если вы не рассчитывали на епископа.

Он отступил, но без удовольствия. На лестнице пахло мокрой шерстью, варёной капустой и уксусом. Второй этаж был занят полицией, однако жильцы всё равно открывали двери на ширину ладони. На площадке пожилая хозяйка дома объясняла молодому сержанту, что мистер Фарроу никогда не водил женщин, платил по понедельникам и в ноябре болел грудью. Сержант записывал всё подряд, потому что ещё не научился отличать сведения от желания быть полезной.

Комната погибшего находилась в конце коридора. Тело уже перенесли с пола на диван. Элеанор поняла это раньше, чем увидела покойника: возле письменного стола на ковре осталось широкое влажное пятно, а под самой кромкой стола темнела кровь, куда не добралась тряпка. В медном тазу у двери плавала розовая вода. Доктор Арчибальд Граймс стоял у окна и сердито протирал очки. Ему было почти шестьдесят, но раздражение сохраняло в нём бодрость лучше любого тоника. Рядом, у камина, находился мужчина в тёмном пальто, которого Элеанор прежде не видела. Он держал шляпу в руке и не мешал. Уже это отличало его от большинства полицейских.

— Мисс Мерсер, — сказал Граймс. — Я послал за вами сорок минут назад.

— Ваш мальчик решил по дороге съесть булку. Потом, вероятно, ещё одну.

— Я велел ему спешить.

— Он спешил между булками.

Граймс собирался ответить, но мужчина у камина подошёл ближе.

— Инспектор Натаниэль Рид, уголовный розыск, — представился он. — Вы фотографировали для доктора Граймса дело на Миллерс-корт прошлой зимой?

— И ещё девятнадцать дел, о которых никто не пишет в газетах.

— Мне как раз нужны те, о которых не пишут.

Он сказал это без попытки польстить, и Элеанор отнесла фразу в его пользу. Инспектору было около тридцати пяти. Тёмные волосы коротко подстрижены, на правой брови старый тонкий шрам. Пальто хорошее, но давно не новое; на левом рукаве возле манжеты аккуратная штопка. Его можно было принять за служащего банка, если не смотреть на руки. Костяшки правой были сбиты недавно. Элеанор поставила кофр на стол и занялась камерой. Она не любила разговаривать над телом прежде, чем осмотрит комнату. Разговор задавал направление мысли, а направление часто оказывалось ошибочным.

Погибшему было лет сорок. Худой, чисто выбритый, в домашней рубашке и брюках, без жилета. На левой ноге ботинок, правая босая; носок лежал возле кровати. Получалось, что мистер Джордж Фарроу либо одевался, либо раздевался, когда к нему пришли. На груди чуть ниже ключицы была небольшая рана. Крови вокруг почти не осталось.

— Оружие? — спросила Элеанор.

— Не нашли, — ответил Рид.

— Дверь?

— Заперта не была. Следов взлома нет.

— Кошелёк?

— Двенадцать фунтов, два шиллинга, железнодорожный билет до Ричмонда, ключи и четыре квитанции.

— Значит, вы уже решили, что ограбления не было.

— Я решил только то, что деньги не взяли.

Он снова заработал маленькое преимущество. Элеанор надела тонкие перчатки и наклонилась над телом. Рана была узкой, края почти ровные. Граймс объяснил, что предмет вошёл между рёбрами и, вероятно, задел крупный сосуд, но точную причину смерти он назовёт после вскрытия. Элеанор слушала вполуха. Её заинтересовала правая рука покойника. Пальцы были согнуты, ногти обломаны так, будто он пытался содрать с себя что-то твёрдое. На подушечке большого пальца блеснула серая крупинка.

— Свет, пожалуйста.

Рид передвинул лампу, не спрашивая зачем. Под ногтями Фарроу оставалась металлическая пыль. Не свинец: слишком светлая. Не стружка с дешёвой пуговицы. Элеанор достала из кофра конверт, сложенный из плотной бумаги, и маленький роговой шпатель.

— Серебро? — спросил Граймс.

— Может быть. Если бы вы не успели помыть половину комнаты, было бы проще.

— Тело лежало в крови.

— Кровь редко обижается на фотографа.

Она собрала несколько частиц, подписала конверт и только после этого обошла комнату. На столе лежала бухгалтерская книга страхового общества «Уэстмор и Прайс», стопка писем и вчерашняя «Ивнинг стандарт». В камине тлела бумага. Рид заметил её взгляд.

— Мы успели вытащить часть.

Он показал обгоревшие листы. На одном сохранились две строки: фамилия Харкерт и сумма в восемьсот фунтов. На другом — адрес клиники Святой Агнессы в Челси.

— Фарроу работал в страховой компании? — спросила Элеанор.

— Проверял крупные выплаты. Последние месяцы несколько дел были связаны с этой клиникой.

— Несчастные случаи?

— Пока не знаю.

Хозяйка комнаты, допущенная на порог, сообщила, что около девяти услышала падение стула. Потом был короткий звон, похожий на разбитый бокал, хотя стекло в комнате осталось целым. Она вошла через пять минут и увидела Фарроу на полу. Никого на лестнице не встретила.

— Пять минут? — переспросила Элеанор.

— Может, четыре. Мне надо было снять чайник.

— Вы касались его?

— Только плеча. Потом побежала за полицией.

Элеанор достала часы. Без десяти десять. Если хозяйка не ошибалась и смерть наступила сразу, семь минут давно прошли. Для обычной фотографии это ничего не значило. Для одной конкретной пластины — почти всё. Она приготовила два стандартных стекла, выставила

камеру, попросила всех отойти. Магниева вспышка белым ударом выхватила диван, лицо мёртвого, потёртые обои и пятно на ковре. Вторая экспозиция была ближе, для раны и рук. Затем Элеанор открыла отдельный футляр.

Граймс сразу заметил.

— Нет.

— Что «нет»?

— Вы знаете.

— Я знаю, что это мой материал.

— Мисс Мерсер, ваш отец двадцать лет пытался доказать, что серебряная эмульсия может удерживать то, что он называл остаточной нервной картиной. После его смерти Королевское общество потратило полгода, чтобы объяснить, почему половина его опытов не воспроизводится.

— Вторая половина воспроизводилась.

— Иногда.

— Достаточно, чтобы вы всякий раз зовёте меня, когда обычной фотографии вам мало.

Граймс бросил взгляд на инспектора и недовольно поправил очки. Рид не вмешивался. Элеанор вставила тёмную пластину. Она отличалась от обычной лёгким дымчатым оттенком и тем, что её нельзя было купить ни в одной лавке Лондона. Оставшиеся восемь штук она хранила в деревянном ящике под кроватью, потому что не могла восстановить последнюю стадию состава отца. Вернее, не могла восстановить так, чтобы не получить бесформенное чёрное пятно вместо изображения.

— Сколько времени прошло? — спросил Рид.

— Слишком много.

— Тогда зачем?

— Потому что иногда человек умирает медленнее, чем считает врач.

Граймс фыркнул, однако промолчал. Элеанор зажгла магний. После вспышки комната на секунду исчезла в густом дыму. Хозяйка в коридоре вскрикнула. Констебль закашлялся. Рид открыл окно, и холодный дождевой воздух пошёл внутрь.

— Вам понадобится лаборатория? — спросил он.

— Мне понадобится, чтобы никто не засунул пальцы в мои кассеты.

— Я могу поехать с вами.

— Можете. Но не поедете.

— Почему?

— Потому что у вас здесь труп, сожжённые бумаги и хозяйка, которая через десять минут вспомнит ещё одного подозрительного человека на лестнице.

Рид посмотрел на женщину за дверью. Она уже рассказывала сержанту, что во вторник Фарроу получил письмо с красной печатью.

— Убедили, — сказал он. — Когда проявите, никому не показывайте прежде меня.

Элеанор закрыла кофр.

— Доктор Граймс увидит первым.

— Почему?

— Потому что он платит мне.

— Ярд тоже платит.

— После трёх писем и двух напоминаний.

Граймс кашлянул, скрывая улыбку. На улице дождь усилился. Элеанор взяла кэб до Флит-стрит, прижав футляр с пластинами к коленям. Она не думала о мёртвом лице. За годы работы чужие мёртвые научились оставаться за дверью. Её беспокоили серебряные частицы и адрес клиники Святой Агнессы. Название было знакомо, но она не могла вспомнить откуда, и это раздражало сильнее, чем должно было. Мастерская занимала первый этаж узкого дома

между переплётчиком и конторой, где составляли прошения. Над дверью висела табличка «Э. Мерсер. Фотографические портреты и техническая съёмка». Слова «техническая съёмка» позволяли клиентам не догадываться, что по ночам здесь проявляли места убийств.

Хозяйка здания, миссис Белл, оставила на ступеньке кастрюлю с тушёной бараниной и записку: «Вы опять не ели». Элеанор занесла кастрюлю внутрь, не открывая крышки, сняла мокрое пальто и прошла в тёмную комнату. Первые две пластины проявились без сюрпризов. На второй рана была видна лучше: узкий прокол и маленький серый ожог вокруг кожи. Элеанор записала это в тетрадь. Третью пластину она вынула из кассеты последней. Раствор был свежий. Температура правильная. Красная лампа стояла далеко от стола. Элеанор опустила стекло в ванночку и начала считать.

Изображение проступало медленно: диван, складка на рубашке, край стола. Потом появился Фарроу. Обычная экспозиция должна была закончиться на этом. У его правого плеча возникла вторая фигура. Элеанор перестала считать. Она наклонилась ближе, не вынимая пластину. Тёмный силуэт стоял там, где во время съёмки находилась пустая стена. Фигура была развёрнута боком. Длинное пальто, светлая рубашка, левая рука возле лица Фарроу. В правой руке — круглый металлический предмет с рядом отверстий по краю.

Элеанор почувствовала холод не сразу. Сначала она подумала о двойной экспозиции. Потом вспомнила, что эту пластину никогда прежде не использовала и сама запечатала кассету три года назад. Предмет в руке незнакомца она видела раньше. В отцовской лаборатории. Ей было семнадцать, когда Генри Мерсер велел никогда к нему не прикасаться. Через месяц лаборатория сгорела. Отец умер на полу у двери, а следователь записал в отчёте «несчастный случай вследствие неисправности электрического оборудования».

Элеанор достала пластину щипцами, промыла, закрепила и поставила сушиться. Только тогда заметила ещё одну деталь. Между пальцами Фарроу, на самой границе изображения, проступал кусок бумаги. На обычных снимках он был скрыт ладонью. Ночное серебро запечатлело не комнату такой, какой она была во время вспышки. Оно удержало то, что видел умирающий за несколько минут до смерти. На бумаге читалось одно слово.

ВТОРНИК.

Элеанор стояла перед красной лампой, пока капли воды стекали по краю стекла. Потом вышла из тёмной комнаты, достала из нижнего ящика письменного стола бутылку бренди, которую держала для клиентов после обморока, и налила себе два пальца. Она не стала пить. Вместо этого поднялась на второй этаж, отодвинула кровать и открыла деревянный ящик, к которому не прикасалась почти семь лет. На дне лежал круглый латунный прибор с чёрным стеклом в центре.

По краю шли восемь маленьких отверстий. На задней крышке были выгравированы инициалы.

Э. Р.

ГЛАВА 2. Человек, потерявший вторники

Инспектор Рид пришёл на Флит-стрит в половине восьмого утра, когда Элеанор пыталась убедить шестилетнего наследника торговца табаком не ковырять нос во время портретной съёмки. Мальчик соглашался с каждым её словом и немедленно нарушал обещание. Его мать поправляла кружевной воротник, отец нервничал из-за времени, а старшая сестра смотрела на всех с тем выражением, с каким взрослые женщины смотрят на неудачный брак. Рид остановился у двери и дождался конца сеанса. Он не пытался показать значок, не кашлял и не делал вид, что срочное полицейское дело важнее оплаченного портрета. Элеанор снова отметила это про себя.

Когда семья ушла, мальчик всё-таки вернулся за деревянным солдатиком, забытым под стулом, и сообщил Риду, что тот похож на похоронного служителя. Инспектор поблагодарил за наблюдение.

— Вы рано, — сказала Элеанор, закрывая входную дверь.

— Вы не прислали записку.

— Именно поэтому нормальный человек решил бы, что результата нет.

— Я не нормальный человек. У меня служебное удостоверение.

Она принесла пластину из тёмной комнаты и поставила перед ним на матовое стекло. Сначала Рид долго молчал. Элеанор ожидала вопросов о химическом дефекте, повторной экспозиции, отражении или подделке. Вместо этого инспектор спросил:

— Где стоял этот человек, когда вы фотографировали?

— Нигде.

— Я был в комнате.

— Поэтому и показываю вам, а не пытаюсь убедить.

Он придвинул лампу. Изображение стало отчётливее. Лица у фигуры почти не было — память Фарроу удержала общий контур, но не детали, на которых не задержался его взгляд. Зато прибор в руке был виден достаточно хорошо.

— Вы знаете, что это?

Элеанор достала из шкафа латунный круг и положила рядом. У Рида изменилось лицо. Совсем немного: взгляд задержался на инициалах, нижняя челюсть напряглась.

— Откуда у вас?

— Принадлежал моему отцу.

— Инициалы не его.

— Я умею читать.

— Э. Р. — Элиас Рен?

Теперь настала её очередь замолчать.

— Вы его знаете?

Рид снял перчатку и коснулся пальцем края прибора, не поднимая.

— Доктор Элиас Рен руководит клиникой Святой Агнессы.

Название наконец нашло своё место в памяти. Элеанор видела его на старых письмах отца. Не часто, но достаточно, чтобы узнать почерк на конвертах: «Доктору Г. Мерсеру. Лично». После смерти отца мать сожгла почти всю корреспонденцию, утверждая, что в доме и так слишком много бумаги, от которой один вред.

— Он работал с отцом, — сказала Элеанор. — Раньше. Я не знала, что клиника его.

— Ваш отец никогда не рассказывал?

— Мой отец считал объяснения расточительством.

Рид снова посмотрел на пластину.

— Вы уверены, что это воспоминание Фарроу?

— Нет. Я уверена только, что фигуры не было перед объективом и что подобные пластины иногда удерживали изображения, связанные с последними минутами жизни.

— Насколько иногда?

— Достаточно часто, чтобы Королевское общество не смогло объявить отца мошенником. Недостаточно часто, чтобы его не объявили безумцем.

— А вы что считаете?

— Я считаю, что у меня осталось восемь пластин, теперь семь, и я не собираюсь строить религию вокруг химического состава, который не могу полностью повторить.

Рид принял ответ. Он вообще, заметила Элеанор, умел оставлять вопрос без последней реплики. Многие мужчины воспринимали паузу женщины как приглашение заполнить её объяснением. Он достал из внутреннего кармана папку.

— Фарроу третий за шесть недель.

— Третий страховой клерк?

— Третий мёртвый с узкой раной в груди и серебряной пылью на руках.

Элеанор села. Первого звали Томас Уикс, пятьдесят два года, учитель арифметики в школе возле Кеннингтона. Его нашли в гостинице у вокзала Виктория, хотя жил он в другом конце города. Второй была Мэри Харкурт, жена архитектора. Умерла дома в Кенсингтоне. Муж находился в Манчестере, прислуга спала этажом ниже. Следов взлома не было ни в одном случае.

— Почему об этом не писали? — спросила Элеанор.

— Писали. Отдельно. Уикса назвали ограблением, пока не нашли деньги в подкладке. Миссис Харкурт — нападением неизвестного. Никто не связывал их, пока вчера Граймс не увидел серебро у Фарроу.

— А вы?

— Я видел отчёт по Харкурт. Там было упоминание серого порошка, но врач решил, что это пудра для перчаток. После Фарроу я запросил первое дело.

Он положил перед ней копию медицинского заключения. У всех троих имелись ещё два маленьких прокола за левым ухом, которые не считали значимыми. Уикс и Харкурт умерли от внутреннего кровотечения после тонкого прокола грудной клетки; орудие вошло точно между рёбрами.

— Хирург, — сказала Элеанор.

— Или мясник с хорошей рукой.

— За ухом не мясник.

Рид кивнул.

— Я хотел бы, чтобы вы посмотрели Уикса.

— Тело ещё в морге?

— Его семья не смогла сразу заплатить за похороны.

Элеанор начала убирать химикаты со стола.

— Когда едем?

— Я не сказал, что вы едете.

— Вы сказали, что хотите, чтобы я посмотрела.

— Я предполагал образцы и фотографии.

— Тогда вы сформулировали желание неточно.

Рид задержал на ней взгляд, потом взял шляпу.

— Кэб ждёт.

Морг на Олд-стрит находился в здании, которое когда-то было складом свечей и, по мнению Элеанор, с тех пор не стало веселее. Санитар по имени Бриггс знал её по прежним делам и встретил с чашкой чая в руке.

— Мисс Мерсер. Сегодня приличный или раздутый?

— Надеюсь, приличный.

— Учитель. Четыре недели. Лёд был хороший. Значит, приличный относительно.

Рид посмотрел на санитара.

— У вас здесь всегда так разговаривают?

— Только до обеда, сэр. После обеда хуже.

Томас Уикс лежал на цинковом столе под простынёй. Время уже забрало с лица выражение человека, оставив только устройство костей. Элеанор осмотрела руки. Под ногтями ничего не сохранилось, но Бриггс подтвердил, что при поступлении там был серый порошок. Его смыли.

— Кто осматривал? — спросил Рид.

— Доктор Миллс.

— И не взял образец?

— В отчёте написано «вероятно, производственная пыль». Учитель, видимо, производил арифметику.

Рид промолчал. Элеанор наклонилась к левому уху покойного. Два прокола располагались на расстоянии около полутора дюймов. Кожа вокруг имела едва заметный серый оттенок.

— Скальпель.

Бриггс дал ей инструмент.

— Вы не врач, — сказал Рид.

— Сегодня уже говорили.

— Я ещё нет.

— Тогда считайте, что успели.

Она осторожно сняла тонкий слой кожи у одного прокола. В ткани блеснули металлические частицы, но вместе с серебром там были чёрные крошки.

— Уголь? — предположил Рид.

— Возможно. Или графит. Нужен анализ.

На груди Уикса находилась та же небольшая рана, только сзади, под левой лопаткой. Убийца либо подошёл незаметно, либо Уикс доверял ему настолько, что повернулся спиной.

— Вдова сказала что-нибудь полезное? — спросила Элеанор.

— Я ещё не говорил с ней подробно. В первом деле занимался другой инспектор.

— Значит, поедем.

— Вы теперь ведёте расследование?

— Нет. Но если вы хотите понять серебро, вам придётся терпеть меня рядом.

Рид посмотрел на Бриггса.

— Она всегда такая?

Санитар отпил чай.

— Когда трупы приличные — мягче.

Миссис Уикс жила в доме на две семьи возле Кеннингтон-парк. Дверь открыла женщина в чёрном платье с закатанными рукавами. Траурный чепец лежал на столе в прихожей рядом с корзиной картофеля. Она не выглядела ни хрупкой вдовой, ни истеричной свидетельницей; выглядела человеком, которому после смерти мужа всё равно надо было чистить картошку. Рид представился и извинился за повторные вопросы.

— В прошлый раз ваш человек решил, что Томаса убили из-за денег, — сказала она. — Потом деньги нашлись, а он решил ничего.

— Поэтому я пришёл ещё раз.

Она пропустила их на кухню. Элеанор сидела чуть в стороне и слушала. Уикс вёл обычную жизнь, не играл, любовницы не было, долгов тоже. За две недели до смерти начал вести

себя странно. Сначала забыл, что должен встретить племянника во вторник. Потом не пришёл во вторник на занятия.

— Это было не похоже на него, — сказала миссис Уикс. — Он мог забыть мой день рождения, но расписание помнил лучше Библии.

Через несколько дней случилось хуже. Жена спросила, почему он не купил уголь, хотя они договаривались об этом во вторник. Томас долго смотрел на неё и сказал: «Какой вторник?»

— Я решила, шутит. Потом он достал календарь и спросил, что мы делали неделю назад. Я рассказала. Он не помнил. Тогда стал спрашивать про другие вторники.

Рид перестал писать.

— Какие именно?

— Любые. Про прошлый месяц. Про Рождество два года назад, оно было во вторник. Про день, когда родилась наша младшая, тоже вторник. Он помнил, что у нас есть дочь, помнил роды, но говорил, что это было в среду. Я нашла семейную Библию. Там дата. Вторник.

Элеанор почувствовала, как в памяти всплыло слово на пластине Фарроу.

— Он потерял все вторники? — спросила она.

Миссис Уикс впервые посмотрела на неё внимательно.

— Не говорите так.

— Простите.

— Он сам так сказал. «Кажется, кто-то вырезал у меня вторники». Мне до сих пор противно это вспоминать.

— Когда началось?

— После врача.

Рид поднял голову.

— Какого врача?

— Он не хотел рассказывать. Сказал, что участвует в исследовании для учителей, которые много работают и плохо спят. Заплатили пять гиней. Я сказала, что за пять гиней приличный врач даже зуб не вырвет бесплатно. Он рассердился.

— Название клиники?

— Святой Агнессы.

В комнате несколько секунд было слышно только шипение чайника.

— Он ездил туда один раз? — спросил Рид.

— Три. После второго жаловался на головную боль. После третьего пропали вторники.

— Вы обращались в клинику?

— Томас запретил. Сказал, они сами не понимают, что сделали, и сначала надо поговорить с человеком по фамилии Фарроу.

Элеанор и Рид переглянулись.

— Джордж Фарроу? — спросил инспектор.

— Не знаю имени. Только фамилию.

Связь наконец перестала быть совпадением. Перед уходом миссис Уикс принесла из спальни школьный блокнот мужа. Последние страницы были заполнены одним и тем же перечнем: даты, места, имена. Томас пытался восстановить собственные вторники по записям семьи. Некоторые строки сопровождались пометкой «знаю факт, не помню дня». На последней странице значилось: «Фарроу говорит, ещё двое. Харкорт. Беннет? Деньги идут через Уэстмор. Если я забуду встречу, она в гостинице Виктория, комната 12, вторник 14-го».

— Четырнадцатое было днём его смерти, — сказал Рид.

— Вторником, — добавила Элеанор.

Миссис Уикс взяла блокнот обратно.

— Вы найдёте того, кто это сделал?

Рид не произнёс привычного обещания. Он сказал:

— Я постараюсь понять, что именно с ним сделали. Без этого человека не найти.

Вдова кивнула, и Элеанор увидела, что именно такой ответ ей был нужен. На улице они прошли полквартала молча. У ворот парка Рид остановился.

— Вы знали, что такое возможно?

— Нет.

— Ваш отец?

— Не знаю.

— Прибор у вас дома, пластина показывает его в руке человека, трое погибших связаны с клиникой бывшего коллеги вашего отца. Мне понадобится всё, что от него осталось: записи, письма, оборудование.

Элеанор отвернулась к проезжей части. Омнибус медленно тащился по мокрой дороге, на площадке сверху сидели мужчины под зонтами. Обычное утро продолжалось с оскорбительным равнодушием.

— Лаборатория отца сгорела, — сказала она.

— Не спрашивал о лаборатории.

— Записи мать уничтожила.

— Все?

Элеанор вспомнила ящик под кроватью. В нём лежали не только прибор и восемь пластин. Под двойным дном были три лабораторные тетради, которые она украла у матери за день до того, как та сожгла остальные бумаги.

— Почти.

Рид услышал то, что она не сказала.

— Я приду вечером.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я сначала прочитаю их сама.

— Это вещественные доказательства.

— Это вещи моего отца.

— Если они связаны с тремя убийствами, разница быстро становится юридической.

Элеанор посмотрела на него.

— Тогда приходите с ордером.

Он не повысил голос.

— Мисс Мерсер, если человек, убивший Фарроу, знает, чьи были эти пластины, он может знать и о вас.

— Это должно меня убедить впустить вас домой?

— Нет. Это должно убедить вас хотя бы запереть дверь.

Он коснулся края шляпы и пошёл к кэбу. Элеанор осталась у парка. Она была сердита на него за приказной тон, на себя за ложь и на отца за то, что спустя двенадцать лет он снова заставлял её разбирать последствия чужих решений. Вернувшись в мастерскую, она первым делом закрыла нижний замок, которым обычно не пользовалась. Потом поднялась наверх, вытащила ящик из-под кровати и сняла двойное дно. Три чёрные тетради лежали там же, где она их оставила.

На обложке последней рукой Генри Мерсера было написано: «Мнемонический резонанс. Опытная серия VII. Не продолжать».

ГЛАВА 3. Опытная серия VII

В первой тетради отец писал так, будто бумага была его единственным терпеливым собеседником. Формулы занимали половину страницы, между ними шли замечания о температуре раствора, проводимости кожи и качестве серебра, а на полях встречались раздражённые реплики, обращённые то ли к себе, то ли к будущему читателю: «Нет, дело не в толщине электрода»; «Рен снова торопится»; «М.В. предлагает измерять то, чего пока не умеет определить».

Элеанор читала до полудня, пропустила двух клиентов и закрыла мастерскую, повесив на дверь карточку «ХИМИЧЕСКИЕ РАБОТЫ». Это объяснение обычно удовлетворяло соседей меньше, чем болезнь, но меньше всего ей хотелось рассказывать миссис Белл, что она ищет в записях покойного отца способ вырезать из человеческой жизни все вторники.

Первые опыты были совсем не тем, чем их представляли газетчики после скандала. Генри Мерсер не пытался фотографировать души и не строил машину для разговоров с мёртвыми. Его интересовало, почему нервная ткань после сильного впечатления некоторое время сохраняет измеримый электрический рисунок. Фотографическое серебро оказалось удобным индикатором: при определённой смеси солей и слабом токе на пластине возникали не изображения в обычном смысле, а повторяющиеся затемнения, связанные с деятельностью разных областей мозга.

Проблемы начались, когда в работе появился Элиас Рен. Рен был врачом, а не химиком. Ему было мало доказать, что память оставляет материальный след; он хотел понять, можно ли этот след ослабить. В тетради встречались случаи, обозначенные только буквами: солдат, переживший взрыв на военном складе; женщина, вытасченная из горящего дома; мальчик, который после смерти брата перестал говорить. Генри описывал их сухо, но даже сквозь сухость было видно, что опыты стали происходить на людях раньше, чем он считал разумным.

«Э. убеждён, что повторное возбуждение воспоминания в момент отвода сигнала уменьшает аффективную реакцию, — прочла Элеанор. — Возможно. Однако эффект распространяется на связанные эпизоды. Пациент А. после третьей процедуры не вспомнил лица сержанта, хотя сержант не присутствовал при травме. Лицо связано с периодом службы. Мы не удалили картину взрыва. Мы повредили сеть, в которой она существовала». На следующей странице крупно, почти вдавив перо в бумагу:

«ПАМЯТЬ НЕ ЯЩИК».

Элеанор откинулась на спинку стула. На подоконнике давно остыл чай. Она представила Томаса Уикса, который сидит за кухонным столом и по семейной Библии восстанавливает дни рождения дочери. Если аппарат отца не умел изолировать один эпизод, почему у Уикса исчезли именно вторники? Значит, кто-то нашёл способ выбирать связь не по содержанию, а по признаку. День недели, слово, лицо, запах — любой ключ, который проходит через десятки лет жизни.

Во второй тетради появился М.В. Имя нигде не было написано полностью, только инициалы. М.В. был моложе Рена, приносил новые гальванические элементы, спорил с Генри о природе памяти и предлагал строить вращающийся барабан, чтобы использовать несколько пластин последовательно. Его замечания Генри переписывал в кавычках, иногда с уважением, иногда с явным раздражением. «М.В.: если система не позволяет отделить конкретное воспоминание, следует научиться задавать ей правильный вопрос».

Ниже ответ отца: «Мозг не обязан отвечать правильно только потому, что вопрос нам нравится». Элеанор перевернула страницу и увидела приклеенную газетную вырезку. Фотография была маленькой и плохой, но лицо она узнала. Сэр Малкольм Вейр, тогда ещё просто доктор Вейр, стоял перед зданием медицинского общества вместе с группой молодых врачей. Она вспомнила апельсины.

В детстве в дом иногда приходил высокий мужчина с рыжеватыми усами, всегда в безупречных перчатках. Он приносил ей два апельсина, потому что один «слишком похож на взятку, а три — на попытку купить расположение». Элеанор не знала, что с ним случилось потом, пока имя Вейра не стало появляться в газетах рядом с открытиями в области нервных болезней, благотворительными больницами и комиссиями по улучшению условий в приютах. Последняя тетрадь начиналась через четыре года после первой. Почерк отца изменился: меньше исправлений, больше пустых мест. Вверху стояла дата — март 1877 года, за восемь месяцев до его смерти.

«Серия VII. Использование многослойной серебряно-угольной матрицы. Результат Рена подтверждён. Воспоминание можно не только ослабить. Его можно вывести из текущей нервной цепи и удержать вне носителя». Элеанор прочла дважды. Дальше шёл опыт с пациенткой С. После смерти дочери женщина несколько месяцев не могла входить в детскую комнату. Ей предложили снизить силу реакции. Во время процедуры Рен попросил подробно вспомнить утро смерти, а М.В. менял частоту тока, пока один из участков пластины не начал темнеть.

После процедуры пациентка могла спокойно говорить о похоронах. На следующий день она не помнила, какого цвета было платье дочери. Через неделю забыла песню, которую та пела. Через две недели спросила, почему в доме стоит детская кровать. Генри прекратил опыт. Рен требовал попытаться вернуть запись с пластины. М.В. считал, что сначала необходимо выяснить, насколько полным может быть извлечение. «Они смотрят на потерю как на измерительный прибор, — написал отец. — Чем больше женщина забывает, тем яснее для них эксперимент. Я не могу продолжать».

Элеанор закрыла тетрадь. В дверь мастерской постучали. Она замерла, потом посмотрела на часы. Без четверти два. Рид обещал прийти вечером. Миссис Белл стучала иначе — два коротких удара и сразу поворачивала ручку, уверенная, что домовые права отменяют замки. Стук повторился. Элеанор убрала тетради в ящик стола и подошла к двери.

— Кто?

— Если скажу «королева», откроешь быстрее?

Элеанор сняла цепочку. На пороге стояла Беатрис Шоу, держа над собой чёрный зонт, который явно проигрывал дождю. Тёмно-каштановые волосы выбились из-под шляпы, на щеке было чернильное пятно. Она работала в «Ивнинг кроникл» — официально переписывала заметки и проверяла набор, неофициально находила половину сведений, за которые мужчины-репортёры получали премии.

— Ты закрыта, — сказала Беатрис.

— Наблюдательно.

— А Грейсон утверждает, что видел тебя ночью на Блэкфрайарс с полицией. Ещё он утверждает, что убит герцог и что герцог был голый. Я решила уточнить, какая часть правда.

— Полиция.

— Жаль.

Она сложила зонт и вошла, оставив на полу лужу. Элеанор знала Беатрис со школы мисс Бромли, где обе считались неудобными ученицами по разным причинам. Элеанор задавала учителям вопросы, на которые те не знали ответа. Беатрис знала ответы и задавала вопросы, которые нельзя было задавать вслух. Дружба пережила две помолвки Беатрис, ни одной свадьбы, смерть Генри и годы, когда Элеанор почти перестала бывать где-либо, кроме мастерской.

— Герцога не было, — сказала она. — Был страховой клерк.

— Голый?

— В рубашке.

— Кроникл это переживёт.

Беатрис сняла перчатки и заметила открытую тетрадь.

— Отец?

Элеанор кивнула.

— Значит, дело хуже страхового клерка.

— Возможно.

Она рассказала не всё, но достаточно: три смерти, серебро, клиника Святой Агнессы, Томас Уикс и потерянные вторники. Про ночную пластину сказала только, что нашла связь с ранними опытами отца. Беатрис выслушала без привычных шуток.

— Харкурт, — повторила она. — Мэри Харкурт?

— Ты знаешь её?

— Не лично. Её муж писал письмо редактору после смерти. Мы не напечатали. Он утверждал, что жена участвовала в медицинском исследовании и за неделю до убийства перестала узнавать собственный дом. Грейсон решил, что это горе плюс желание обвинить врача.

— Письмо сохранилось?

— Если мальчики в архиве не топили им печь.

Элеанор протянула лист бумаги.

— Мне нужны сведения о клинике, Рене и Малкольме Вейре. Особенно старые. До восьмидесятого года.

Беатрис посмотрела на неё поверх листа.

— Ты только что сказала «Малкольм Вейр» так, будто это имя должно быть мелким шрифтом.

— Он работал с отцом.

— Вот теперь я точно не уйду без чая.

Они успели выпить по половине чашки, когда с улицы донёсся звон разбитого стекла. Элеанор сначала решила, что это у переплётчика. Потом услышала скрежет в задней комнате. Беатрис поставила чашку.

— У тебя есть револьвер?

— Есть штатив.

— Прекрасно. Убийца умрёт художественно.

Элеанор взяла тяжёлую металлическую стойку для фона. Они прошли по коридору. Дверь в тёмную комнату была открыта. Заднее окно разбито, на полу лежали осколки. Человек в сером пальто стоял у шкафа с пластинами. Он повернулся быстро. Лица Элеанор почти не увидела — шарф, кепка, тёмная борода. В руке у него была одна из отцовских кассет.

— Положите, — сказала она.

Незнакомец бросил кассету не на место, а ей под ноги. Стекло разбилось внутри. Пока Элеанор инстинктивно отступала, он метнулся к окну. Беатрис схватила со стола бутылку фиксажного раствора и плеснула ему в лицо. Мужчина закричал, ударился плечом о раму, но всё же выбрался наружу. Элеанор подбежала к окну. Задний двор выходил в узкий проход между домами. Незнакомец уже бежал к Феттер-лейн, зажимая глаза рукой.

— Он ослепнет? — спросила Беатрис.

— Нет. Но следующий час будет плохо относиться к фотографии.

Элеанор посмотрела на шкаф. Деньги в жестяной коробке остались. Серебряные ложки матери — тоже. Пропала только одна вещь. Пустой деревянный футляр из-под ночных пластин.

— Он думал, они там, — сказала она.

— Что именно?

Элеанор не ответила. Через десять минут на пороге появился Рид. Он вошёл так быстро, что миссис Белл, следовавшая за ним, возмущённо потребовала хотя бы вытереть ноги. Беатрис тем временем уже записывала описание грабителя на обороте рекламного проспекта.

— Вы сказали «вечером», — заметила Элеанор.

— Констебль с Блэкфрайарс пришёл ко мне с ещё одним сожжённым листом Фарроу. Там ваше имя.

Она почувствовала, как комната стала теснее.

— Моё?

Рид достал пакет. На обгоревшей бумаге сохранилась фраза: «Мерсер — дочь. Возможно, у неё остались VII».

— Кто-нибудь ещё знает про пластины? — спросил он.

— Теперь, очевидно, знает.

Он посмотрел на разбитое окно, мокрые следы, шкаф.

— Я говорил запереть дверь.

— Она была заперта.

— Окно тоже?

— Инспектор, если вы хотите пережить следующие пять минут, выберите другую тему.

Беатрис подняла руку.

— Как независимый свидетель подтверждаю: тема неудачная.

Рид впервые обратил на неё внимание.

— А вы?

— Беатрис Шоу, «Ивнинг кроникл». Я ничего не видела, ничего не слышала и уже запомнила всё полезное.

— Газета не будет писать об этом деле.

— Тогда постарайтесь расследовать его быстрее, чем оно станет достаточно большим для первой полосы.

Он несколько секунд смотрел на неё, потом снова повернулся к Элеанор.

— Сегодня вы ночуете не здесь.

— Нет.

— Это не просьба.

— Тогда это особенно нет.

— Человек влез днём в вашу мастерскую за вещами, связанными с тремя убийствами.

— Человек теперь пахнет тиосульфатом и плохо видит левым глазом. Если вернётся, мы продолжим знакомство.

Рид сжал переносицу двумя пальцами. Элеанор поняла, что он считает до десяти.

— У вас есть родственники?

— Есть миссис Белл. Она способна убить любого, кто испачкает ковёр.

Из коридора донеслось:

— Я всё слышу, мисс Мерсер.

— Вот видите.

Рид не рассмеялся, но спор прекратил. Вместо этого поставил констебля во дворе и второго у входа. Элеанор позволила ему забрать осколки кассеты и следы с подоконника. Тетради оставила при себе. Когда он увидел записи Генри, спор начался снова, но на этот раз они договорились: Рид читает их в мастерской, ничего не уносит без копии и не показывает никому без её согласия, если только сведения не относятся прямо к угрозе жизни.

— Закон так не работает, — сказал он.

— Тогда считайте это личной услугой женщине, которую вы только что пытались выселить из собственного дома.

— Я пытался не дать ей умереть.

— Не преувеличивайте свою роль.

Беатрис, сидевшая за столом, подняла глаза от записей.

— Вы двое знакомы меньше суток?

Никто ей не ответил. Поздно вечером, когда Рид ушёл допрашивать соседей, а Беатрис отправилась в редакцию, Элеанор вернулась к третьей тетради. Она читала до тех пор, пока не нашла схему круглого прибора с восемью отверстиями. Под схемой отец написал: «Резонатор

Рена. Восемь электродов. Серебряно-угольный контакт. Использование без обратного контура недопустимо: возможна фиксация с односторонним извлечением». Ниже другим почерком, который Элеанор не узнала, стояла приписка:

«Именно это нам и требуется». Рядом — инициалы М.В.

ГЛАВА 4. Святая Агнесса

Клиника Святой Агнессы стояла на тихой улице в Челси за кирпичной стеной, достаточно высокой, чтобы богатые пациенты могли считать своё страдание частным. Здание прежде принадлежало торговцу чаем: три этажа светлого камня, зимний сад, отдельный въезд для экипажей. На воротах не было ни креста, ни изображения святой, только небольшая медная табличка с названием и часами приёма. Элеанор приехала туда вместе с Ридом на следующий день после взлома. Инспектор всю дорогу читал копии отцовских записей, иногда делал пометки и ни разу не спросил, почему она не спала. Вероятно, потому что сам выглядел не лучше.

— Вы знаете Рена лично? — спросила она, когда кэб свернул на Бромптон-роуд.

Рид сложил бумаги.

— Да.

Ответ был коротким не из-за обычной его сдержанности. Элеанор это заметила, но не стала помогать ему молчать.

— Насколько лично?

— Он лечил мою жену.

Она не знала, что инспектор был женат. Кольца он не носил, но на безымянном пальце оставалась тонкая светлая полоска, которую она однажды приняла за след от перчатки.

— Сейчас лечит?

— Нет.

Он снова раскрыл бумаги. Элеанор посмотрела в окно. Если бы он хотел сказать больше, сказал бы. Она не любила, когда из чужой боли вытаскивали сведения клещами, даже если сама часто делала примерно это на местах преступлений. В клинике их встретила женщина лет сорока в сером платье сестры. Она назвалась мисс Уилкс и сразу узнала Рида.

— Инспектор.

— Сестра Уилкс.

В её голосе не было радости, но и удивления не было.

— Доктор Рен сегодня принимает до трёх.

— Передайте, что я по полицейскому делу.

— Вы всегда по полицейскому делу, когда приходите сюда.

Рид не ответил. Их провели в комнату ожидания. На стенах висели ботанические гравюры и правила для посетителей; мебель была хорошей, но без показной роскоши. Пациенты не сидели вместе: каждому, очевидно, назначали время так, чтобы люди не пересекались. Через стеклянную дверь зимнего сада Элеанор увидела мужчину в больничном халате, который медленно ходил между пальмами, считая шаги вслух. На скамье у окна сидела девочка лет десяти с деревянной лошадкой на коленях. У игрушки не хватало заднего колеса. Девочка раз за разом ставила её на подоконник и отпускала; лошадь падала на один бок, девочка поправляла и повторяла.

— Элис, — сказала сестра Уилкс. — Не царапай дерево.

— Это не дерево, это краска.

— Значит, не царапай краску.

Элис посмотрела на Элеанор.

— Вы опять пришли поздно.

Элеанор решила, что девочка приняла её за кого-то другого.

— Мы знакомы?

— Нет.

— Тогда куда я опоздала?

Элис нахмурилась, будто вопрос был глупым.

— К папе. Он ждал внизу, а вы плакали на лестнице и не хотели заходить.

Рид перестал листать бумаги. Элеанор почувствовала неприятное давление под рёбрами.

— Как зовут моего отца?

— Не знаю.

— Где лестница?

Девочка пожала плечами.

— Там было зелёное стекло. Вы разбили банку и порезали палец.

Элеанор машинально посмотрела на левую ладонь. У основания большого пальца сохранился белый шрам. В пятнадцать лет она уронила в лаборатории отца банку с хлоридом железа. Стекло было зелёным. Отец ждал в подвале, а она действительно сидела на лестнице и не заходила, потому что до этого они поссорились. Об этом не мог знать ни Рен, ни кто-либо в клинике. Отец увидел порез позже и поверил её объяснению про разбитый стакан.

— Кто тебе это рассказал? — спросила Элеанор.

Элис стала серьёзной.

— Никто. Оно иногда приходит.

Сестра Уилкс быстро подошла.

— Элис, доктор просил не тревожить посетителей.

— Я не тревожу.

— Идём.

Девочка спрыгнула со скамьи. Проходя мимо Элеанор, тихо сказала:

— Он был сердит не из-за банки.

Сестра увела её по коридору. Рид дождался, пока дверь закроется.

— Что это было?

— Не знаю.

— Она описала ваш шрам.

— Я заметила.

— И лабораторию.

— Инспектор, если повторите ещё раз, станет понятнее?

Он собирался ответить, когда открылась другая дверь. Доктор Элиас Рен выглядел старше своих шестидесяти двух лет. Худой, совершенно седой, с прямой спиной и руками, которые даже в покое сохраняли точность хирурга. На переносице сидели маленькие очки. Элеанор помнила его иначе: густые тёмные бакенбарды, запах табака, привычка приносить ей засахаренный имбирь вместо конфет. Теперь лицо было почти незнакомым, но голос остался тем же.

— Нора.

Так её называл только отец. Элеанор не ответила на приветствие. Рен остановился в двух шагах.

— Простите. Мисс Мерсер.

— Лучше.

Он перевёл взгляд на Рида.

— Натаниэль.

— Доктор.

Между ними существовал старый разговор, который не закончился. Элеанор ощутила это так же ясно, как сквозняк от открытой двери. Рен пригласил их в кабинет. Книжки занимали две стены, на третьей висела анатомическая схема нервной системы. На столе не было ничего лишнего, кроме серебряного портсигара и маленькой фотографии молодой женщины в светлом платье. Рид положил перед врачом снимок Фарроу.

— Вы знаете этого человека?

Рен надел очки и посмотрел.

— Джордж Фарроу. Страховой инспектор. Он несколько раз запрашивал у нас документы по пациентам.

— Был вашим пациентом?

— Нет.

— Томас Уикс?

Пауза оказалась слишком длинной.

— Да.

— Мэри Харкерт?

— Да.

— Оба мертвы.

Рен снял очки.

— Я слышал о Мэри. Про мистера Уикса не знал.

Элеанор положила рядом латунный резонатор. Врач не прикоснулся к нему. На его лице впервые появилось настоящее выражение — не испуг, скорее усталость человека, которому вернули долг, о котором он надеялся забыть.

— Где вы это нашли?

— У отца.

— Генри должен был уничтожить его.

— Он много чего должен был сделать.

Рид наклонился вперёд.

— Что это?

Рен помолчал.

— Ранний электрофизиологический резонатор. Мы использовали его для регистрации нервной активности.

— Неправда, — сказала Элеанор.

Он посмотрел на неё.

— Я прочла тетради. Серия VII.

Пальцы врача легли на край стола.

— Все?

— Те, которые отец спрятал от матери.

— Тогда вы знаете больше, чем следовало бы.

— Именно эту фразу обычно говорят люди, которые не хотят отвечать.

Рен откинулся в кресле.

— Хорошо. Мы обнаружили, что при определённых условиях серебряно-угольная матрица способна принимать устойчивый рисунок возбуждения, возникающий при воспоминании. Сначала мы фиксировали только общие реакции. Потом научились усиливать связь.

— И вытаскивать память из человека, — сказал Рид.

— Слово «вытаскивать» неточно.

— Томас Уикс забыл сорок лет вторников. Подберите точнее.

Рен резко поднял голову.

— Что?

Элеанор рассказала о вдове и блокноте. Чем дольше она говорила, тем меньше в лице врача оставалось профессионального спокойствия.

— Это невозможно, — сказал он.

— Вчера я сказала то же самое.

— Мы никогда не умели задавать фильтр такого рода.

— «Мы» — вы, отец и Малкольм Вейр?

Рен закрыл глаза на секунду.

— Да.

- Значит, М.В. — Вейр.
- Да.
- Он продолжил работу после смерти отца?
- Нет. По крайней мере, не со мной.
- Рид достал пакет с частицами серебра.
- Это нашли на телах. А это, — он положил медицинскую схему с отмеченными проколами, — за левым ухом каждого.
- Рен посмотрел и тихо выругался.
- Это контактные иглы.
- Для резонатора?
- Для более поздней версии. Они вводятся подкожно, чтобы снизить сопротивление.
- Серебро покрыто графитом. Поэтому в ткани остаются чёрные частицы.
- Элеанор вспомнила соскоб Уикса.
- Вы пользуетесь ими здесь?
- Нет.
- Когда перестали?
- Двенадцать лет назад.
- После смерти Генри?
- За несколько недель до неё.
- Рид не дал разговору уйти.
- Что вы делали с Уиксом и Харкурт?
- Рен посмотрел на него с явным раздражением.
- Лечил бессонницу и повторяющиеся травматические воспоминания обычными методами: хлорал в малой дозе, электрическая стимуляция, разговор. Никаких матриц.
- Они участвовали в исследовании.
- В исследовании сна. Без извлечения памяти.
- Уиксу заплатили пять гиней.
- Мы платим добровольцам.
- После третьего посещения он перестал помнить вторники.
- Рен встал и прошёл к шкафу с картотекой.
- Его записи должны быть здесь.
- Он нашёл папку. Перелистал, потом вторую. Лицо стало жёстким.
- Нет двух листов.
- Каких?
- Записей последних процедур.
- Рид подошёл.
- Кто имеет доступ?
- Я, старшая сестра, два врача и заведующий архивом.
- И Малкольм Вейр?
- Он не работает здесь.
- Бывает?
- Он попечитель клиники.
- Рид записал. Элеанор вспомнила Элис.
- Что с девочкой в коридоре?
- Рен замер.
- Это не относится к делу.
- Она рассказала мне событие из моего детства, которого не знали даже родители.
- Элис склонна к фантазиям.
- Она описала зелёную банку и шрам на моей руке.

Рен медленно снял очки.

— Что именно она сказала?

Элеанор повторила. Врач подошёл к двери, открыл её и велел сестре Уилкс привести Элис. Через минуту девочка вошла, всё ещё держа лошадку.

— Элис, — сказал Рен, присев, чтобы быть с ней одного роста. — Когда ты видела мисс Мерсер раньше?

— Не видела.

— Откуда знаешь про лестницу?

— Не знаю.

— Попробуй вспомнить, когда это пришло.

Девочка нахмурилась.

— Ночью. Когда болела голова.

— После какой процедуры?

— После машинки.

Рен побледнел.

— Какой машинки?

— Внизу. Где мистер Пелл сказал молчать.

Сестра Уилкс резко вдохнула. Рид повернулся к ней.

— Кто такой Пелл?

— Санитар, — ответила она. — Томас Пелл. Он работает ночами.

— Где он сейчас?

— Сегодня не вышел.

Рен уже шёл к двери.

— В клинике нет помещения с машиной внизу.

Элис посмотрела ему вслед.

— Есть.

Подвал нашли за прачечной. Дверь, которую Рен считал кладовой, открывалась ключом Пелла. Внутри стояла кровать с кожаными ремнями, гальваническая батарея и современная версия резонатора — не круглая, а прямоугольная, с двумя рядами серебряных контактов. На столе лежали пустые футляры от стеклянных пластин. Элеанор вошла последней. На стене мелом были написаны фамилии и даты. Уикс. Харкерт. Ещё пять имён. Среди них — «Э. Беннет».

Рид обыскал помещение. В ящике нашлись ампулы морфина, деньги и список адресов. На обороте одного листа стояла печать лаборатории сэра Малкольма Вейра. Рен опустился на край стула.

— Я не знал.

— Это ваша клиника, — сказал Рид.

— Я не знал.

На этот раз в голосе врача было не оправдание, а ужас. Элеанор подошла к аппарату. В центре находился съёмный барабан на семь пластин. Шесть гнезд были пусты. В седьмом осталось стекло. Она не стала вытаскивать его рукой.

— Мне нужен футляр.

Рид нашёл металлическую коробку. Элеанор осторожно вынула пластину за края. Серебряная поверхность казалась чистой, но при наклоне на ней проступали тёмные полосы, похожие на следы дыма. На нижнем углу кто-то процарапал карандашом:

«Т. У. 7».

Томас Уикс.

— Что там? — спросил Рид.

Рен ответил раньше неё:

— То, что у него забрали.

ГЛАВА 5. Вторник

Пластину Томаса Уикса нельзя было просто проявить. Она уже была проявлением — только не света, а электрической активности живого мозга, удержанной в слое серебра и углерода. Рен объяснил это в своём кабинете, пока Рид отправлял людей искать Томаса Пелла и опечатывать подвал.

— Если пропустить через матрицу ток той же полярности, что использовался при записи, рисунок разрушается, — сказал врач. — При обратной полярности часть сигнала можно вернуть в нервную систему. Генри придумал третий способ: очень слабый поперечный ток и вторичная фотопластина. Получаются зрительные фрагменты без контакта с человеком.

— Почему об этом нет в опубликованных работах? — спросила Элеанор.

— Потому что к тому времени он уже хотел уничтожить всё, что мы сделали.

— Но вы не уничтожили.

Рен посмотрел на неё без раздражения.

— Нет.

Одно слово оказалось убедительнее длинного оправдания. В клинике сохранился старый считывающий стол — громоздкая рама с двумя медными шинами и держателем для стекла. Рен утверждал, что им не пользовались двенадцать лет. Пыль на винтах подтверждала хотя бы эту часть. Элеанор настояла, чтобы устройство перенесли в её мастерскую: после найденной лаборатории она не доверяла ни одному помещению Святой Агнессы, а Рид не доверял половине её сотрудников.

К вечеру в тёмной комнате стало тесно. Рен занял стол с батареями, Граймс пришёл без приглашения и объявил, что раз полиция намерена оживлять память мёртвого учителя, кто-то должен хотя бы знать, как выглядит мозг. Беатрис сидела на перевёрнутом ящике и обещала не записывать ничего, что услышит, до разрешения Элеанор. Рид не поверил, но выгнать её не смог: формально мастерская принадлежала не полиции.

— Если стекло треснет, что произойдёт? — спросил он.

— Скорее всего, ничего, — ответил Рен.

— «Скорее всего» мне не нравится.

— Тогда вам не понравится медицина.

Элеанор вставила чистую фотопластину в кассету под матрицей Уикса. Между ними оставался зазор толщиной в палец. Рен подключил батарею. Стрелка гальванометра дрогнула.

— Десять секунд, — сказал он. — Не больше.

Элеанор открыла затвор. Никакого света не было. Только слабое потрескивание контактов и запах озона. Через десять секунд она закрыла кассету и сразу ушла в тёмную комнату. На первой пластине появились бесформенные полосы. Она уже решила, что опыт не сработал, когда в левом углу проступило окно. Потом — школьная доска. Лица мальчиков. Рука с мелом. Изображения накладывались друг на друга, но не хаотично. Несколько сцен занимали одну пластину так, будто прозрачные фотографии сложили стопкой. На стене школы висел календарь. Элеанор увеличила лупой.

Вторник, 3 февраля. Вторая экспозиция дала кухню Уиксов. Миссис Уикс моложе лет на двадцать стояла у стола, держа младенца. На столе — газета с датой. Вторник. Третья — вокзал, дождь, человек в военной форме, которого Уикс обнимает за плечи. Четвёртая — похороны. Пятая — рождественский обед. На каждой сцене присутствовал признак дня: календарь, газета, надпись на школьной доске, церковная программа. Система действительно вытащила не один эпизод, а всё, что мозг Уикса связывал с понятием «вторник».

Беатрис перестала шутить ещё после второго снимка.

— Сколько там? — спросила она.

Рен смотрел на матрицу, как врач на пациента, которого однажды уже не спас.

— Вся жизнь, если фильтр удерживался достаточно долго.

— Но почему он помнил дочь? — спросил Рид. — Если её рождение было во вторник.

— Потому что память о дочери связана с тысячами других дней. Извлечение вырвало один путь к событию, не все. Он знал, что дочь родилась. Мог помнить её младенцем в другие дни. Но конкретная сцена родов исчезла вместе с кластером вторника.

Элеанор вынула следующую пластину из проявителя.

— Значит, если выбрать более сильный ключ, можно забрать гораздо больше.

Рен кивнул.

— Например, имя человека.

В комнате стало тихо. Граймс первым произнёс то, о чём подумали все:

— Можно заставить женщину забыть мужа.

— Или солдата — войну, — сказал Рен.

— Или свидетеля — убийцу, — добавил Рид.

Элеанор посмотрела на матрицу. Серебро не выглядело страшно. Тонкое стекло, серый налёт, царапина карандашом. Если бы она нашла его в ящике отца ребёнком, могла бы держать за край, поднести к окну, даже разбить и потом спрятать осколки.

— Почему Уикса убили? — спросила Беатрис.

Рид ответил:

— Он понял, что с ним сделали, и связался с Фарроу.

— Тогда почему Фарроу не потерял память, а просто умер?

Элеанор вспомнила его обломанные ногти.

— Может, потерял. Мы не знаем, что было перед смертью.

Рен поднял голову.

— Если у него была процедура, должен существовать носитель.

Рид сразу повернулся к констеблю у двери.

— Обыск в его комнате ещё идёт?

— Да, сэр.

— Передайте: ищут стеклянные пластины, футляры, металлические кассеты, всё с серебряным налётом. Не трогать голыми руками, не подключать ни к чему, не ронять.

— Последнее особенно важно, — сказал Граймс.

Констебль ушёл. Рен попросил выключить установку. После пяти считываний поверхность матрицы стала заметно светлее.

— Мы расходуем запись, — объяснил он. — Каждый просмотр стирает часть рисунка.

— Можно вернуть её Уиксу, если бы он был жив? — спросила Элеанор.

— Теоретически. Сразу после извлечения — вероятно. Через недели — рискованно.

— Почему?

— Мозг не ждёт пустым. Он перестраивает связи вокруг утраты. Если вернуть большой массив позже, старый рисунок попытается занять место, которого уже нет. Судороги, делирий, остановка сердца. Мы видели это один раз.

Элеанор заметила, что Рид смотрит на него.

— На ком?

Рен не ответил сразу.

— Не сегодня.

Рид сделал шаг к нему.

— Если это касается Клары, сегодня.

Имя прозвучало впервые. Рен опустил руки на стол.

— Да. Касалось.

Граймс тактично занялся кассетами. Беатрис встала.

— Я пойду проверю архив Харкурт.

Элеанор посмотрела на Рида. Он стоял неподвижно, но по тому, как он держал левую руку, было видно, что ногти впились в ладонь.

— Остаться? — спросила она.

— Это ваш дом.

Формально ответ ничего не значил. Она осталась. Рен говорил медленно. Шесть лет назад Клара Рид потеряла ребёнка на восьмом месяце беременности. После родов у неё начались тяжёлые приступы: она не спала, почти не ела, не могла войти в спальню, где стояла приготовленная колыбель. Дважды пыталась уйти из дома ночью в одной сорочке. Её отец, состоятельный торговец шерстью, привёз её в Святую Агнессу.

— Я испробовал всё, что тогда считал допустимым, — сказал Рен. — Через три месяца она попросила сделать так, чтобы она хотя бы один день не помнила.

Рид не сводил с него глаз.

— Вы сказали мне, что экспериментальная электротерапия безопасна.

— Я соврал.

— Я помню.

Рен принял это без защиты. Он использовал старый резонатор, хотя обещал Генри больше никогда к нему не возвращаться. Планировал ослабить связь с последними неделями беременности и моментом смерти ребёнка. После процедуры Клара перестала плакать, впервые нормально поела и уснула. На следующий день спросила, когда они с Натаниэлем будут заводить детей.

— Вы забрали девять месяцев, — сказал Рид.

— Сначала я думал, что только их.

Через два месяца Клара стала забывать людей, с которыми познакомилась во время беременности. Потом исчезли места, куда она ходила в тот период. Потом события, связанные с этими людьми до беременности. Память разрушалась не по календарю, а по связям. Рен попытался вернуть извлечённое с матрицы.

— Без моего ведома, — сказал Рид.

— С её согласия.

— Она уже не понимала, на что соглашается.

— Возможно.

— Не «возможно».

Рен опустил глаза.

— Да.

Обратная процедура вернула часть воспоминаний. Вместе с ними — боль, спутанность, судороги. Клара прожила ещё семь месяцев. Последние недели узнавала мужа только иногда. Рид взял пальто.

— Где её матрица?

Рен не ответил.

— Где?

— Я сохранил её.

Инспектор ударил врача. Это произошло так быстро, что Элеанор увидела уже конец движения: Рен отступил к столу, очки упали, из губы пошла кровь. Рид не сделал второго шага. Он посмотрел на собственную руку так, будто та принадлежала кому-то другому.

— Я должен был уничтожить, — сказал Рен. — Не смог.

— Шесть лет вы хранили её жизнь в стекле и ни разу не сказали мне.

— Это не её жизнь. Это фрагмент повреждённой записи.

— Тогда почему не разбили?

Рен вытер кровь платком.

— Потому что трусость бывает очень похожа на надежду, если дать ей достаточно времени.

Рид ушёл. Элеанор не пошла за ним. Не сразу. Она помогла Граймсу убрать матрицу Уикса в футляр, проверила замок на задней двери и только потом вышла на улицу. Инспектор стоял под навесом закрытой лавки. Дождь кончился, но с крыш ещё капало.

— Вы можете ничего не объяснять, — сказала она.

— Удобно. Я и не собирался.

Она встала рядом, оставив между ними полшага.

— Я не знала про вашу жену.

— Теперь знаете.

— Это не делает меня участником разговора.

Он посмотрел на неё. Впервые за всё время в его лице не было ни работы, ни привычной собранности. Только усталость.

— В последний вечер она трижды спросила, как меня зовут. На третий я назвал имя её брата. Он умер ребёнком. Не знаю зачем.

Элеанор молчала.

— Она улыбнулась и сказала, что давно его ждала. Я шесть лет пытаюсь решить, было это жестоко или милосердно.

— И решили?

— Нет.

— Тогда, вероятно, вопрос неправильный.

Он коротко усмехнулся, без веселья.

— Это фраза вашего отца?

— Нет. Он бы объяснял двадцать минут.

Рид надел шляпу.

— Я найду Пелла.

— Я знаю.

— Откуда такая уверенность?

— Вы шесть лет не можете оставить в покое один неправильный ответ. Санитару вы тем более не дадите уйти.

Он ушёл к кэбу. Элеанор вернулась в мастерскую и обнаружила на столе записку Беатрис, принесённую мальчиком из редакции: «Письмо Харкурта нашла. Есть кое-что лучше. Мэри писала дневник. Муж согласен показать. Завтра десять. И ещё: Малкольм Вейр через неделю читает открытую лекцию о „новом лечении устойчивых травматических воспоминаний“. Билеты уже раздобыла. Не благодари, купи мне обед». Под текстом Беатрис нарисовала маленькую виселицу.

Элеанор перечитала название лекции. Потом посмотрела на серое стекло Томаса Уикса, лежавшее в металлическом футляре. Кто-то научился задавать памяти правильный вопрос. И через неделю собирался рассказать об этом публике.

ГЛАВА 6. Дом Харкуртов

Архитектор Эдмунд Харкурт встретил их в доме, который сам спроектировал и, по словам Беатрис, ненавидел с тех пор, как в нём умерла жена. Это чувствовалось по комнатам. Хорошая мебель была накрыта чехлами, картины сняты со стен, на лестнице стояли ящики. Харкурт собирался продать дом, но никак не мог закончить упаковку; вещи Мэри оставались там, где были в день её смерти. Он был высоким человеком с рано поседевшими волосами и привычкой тереть большим пальцем костяшку указательного. Увидев Рида, сразу спросил:

— Вы теперь верите, что клиника имеет отношение?

— Верю, что ваша жена и Томас Уикс были её пациентами. Этого достаточно, чтобы проверить.

Харкурт посмотрел на Элеанор.

— А фотограф зачем?

— Я работаю с веществом, которое нашли на телах.

— Женщина-химик?

— Если вам неприятно, могу стать пианисткой. Но серебро от этого не изменится.

Беатрис кашлянула в перчатку. Харкурт покраснел, однако больше тему не поднимал. Он отвёл их в кабинет жены. Там сохранился запах сушёной лаванды. На письменном столе стояла маленькая фарфоровая собака, рядом лежали письма, перевязанные зелёной лентой. Дневник оказался обычной тетрадью в синей обложке. Мэри Харкурт не писала каждый день. Первые страницы содержали счета, списки покупок, имена гостей. Затем появились записи о клинике.

«Эдмунд снова в Манчестере. Доктор Рен говорит, что головные боли могут быть от бессонницы. Молодой доктор Лидделл провёл электрическую процедуру. Неприятно, но терпимо». Через неделю: «Сегодня не могла вспомнить лицо мамы. Знаю её лицо, могу описать фотографию в гостиную, но когда закрываю глаза — ничего. К вечеру вернулось». Дальше почерк становился неровнее. «Они спрашивают про пожар. Я не хочу говорить о пожаре. Лидделл говорит, это важно. Пелл стоял за ширмой. Видела его ботинки».

— Какой пожар? — спросил Рид.

Харкурт сел у окна.

— Когда Мэри было девятнадцать, сгорел дом её родителей. Младшая сестра погибла. Мэри выбралась через окно. Она всю жизнь не переносила запах керосина.

Элеанор продолжила чтение. «После процедуры стало легче. Сегодня вошла в комнату с керосиновой лампой и не дрожала. Эдмунд будет рад. Но я не помню, как звали сестру. Кажется, Анна. Нет, это имя тёти». Через два дня: «Её звали Кэтрин. Нашла в Библии. Это ужасно: я знаю, что должна плакать, когда пишу имя, но ничего не происходит». Последние страницы были заполнены почти каждый день. Мэри теряла не только пожар. Исчезали школьные годы, потому что сестра училась с ней. Потом семейные поездки. Однажды она проснулась и не поняла, почему спальня оформлена в зелёном цвете; Харкурт объяснил, что они вместе выбирали ткань после свадьбы. На следующий день она не помнила сам выбор, но помнила свадьбу. Позже перестала узнавать комнаты дома, которые проектировала вместе с мужем.

За пять дней до смерти появился Фарроу. «Мистер Ф. из страховой сказал, что я не первая. Он не верит в обычную болезнь. Просил никому не говорить. У него есть учитель, потерявший вторники, и ещё мужчина из Гринвича, который не помнит собственную службу во флоте. Мистер Ф. думает, кто-то использует медицинские выплаты, чтобы находить людей после экспериментов». Следующая запись: «Сегодня всё вернулось на несколько часов. Не знаю почему. Было страшно. Я вспомнила Кэтрин, пожар, маму, дом, даже вкус яблок в тот день. Потом началась такая боль, что я потеряла сознание. Когда очнулась, часть снова ушла. Если это можно забрать, значит, где-то оно существует».

Последняя запись была сделана в день смерти. «Ф. придёт вечером. Говорит, нашёл имя человека, который платит Пеллу. Я не хочу больше лечения. Если Эдмунд прочтёт это: я знала тебя. Даже когда не узнавала комнаты, я знала, что рядом с тобой безопасно. Не позволяй им сказать, что это было то же самое, что забыть тебя». Харкерт встал и подошёл к окну. Беатрис закрыла дневник.

— Почему полиция не получила это раньше? — спросил Рид.

— Я дал вашему человеку письмо, — ответил Харкерт. — Он сказал, дневник — семейное. Я был рад не отдавать. Через неделю пожалел.

— Простите.

— Вы не тот инспектор.

— Всё равно.

Элеанор подошла к книжному шкафу. На полке стояла фотография Мэри: светловолосая женщина лет тридцати, одна рука на спинке кресла, взгляд прямо в объектив. Снимок был сделан у модного фотографа на Риджент-стрит, судя по тиснению.

— Можно взять одну вещь? — спросила Элеанор.

Харкерт обернулся.

— Зачем?

— Если запись памяти действительно связана с ассоциациями, предметы могут показать, что именно исчезало. Не для машины. Для сравнения дневника.

Он подумал и открыл ящик стола. Достал маленькую серебряную брошь в форме ласточки.

— Её подарила сестра. Мэри носила каждый день до клиники. Потом однажды спросила, откуда эта вещь, и убрала.

Элеанор не взяла брошь.

— Оставьте пока у себя. Если понадобится, попрошу.

Это простое решение почему-то изменило отношение Харкерта к ней. Он кивнул и вернул брошь в ящик. Рид тем временем изучал последние страницы.

— «Имя человека, который платит Пеллу». Если Фарроу успел узнать, запись могла быть в его бумагах.

— Половину он сжёг, — сказала Беатрис.

— Не он.

Все посмотрели на инспектора.

— Я думаю, убийца пришёл за бумагами. Фарроу сопротивлялся, его убили, потом начали жечь записи. Хозяйка слышала стул. Огонь пришлось бросить, когда она пошла по коридору.

— Тогда зачем серебряные иглы? — спросила Элеанор.

— Может, убийца сначала хотел узнать, что Фарроу успел выяснить.

Рен, который присоединился к ним позже и стоял у двери, тихо сказал:

— Извлечение можно использовать как допрос.

Элеанор повернулась.

— Можно выбирать имя?

— Теоретически. Если заставить человека удерживать конкретный образ и правильно подобрать частоту. Но у сопротивляющегося пациента сигнал будет нестабилен.

— Отсюда ногти, — сказал Рид. — Он пытался сорвать электроды.

— И рана в груди после процедуры, — добавила Элеанор. — Чтобы не осталось человека, который помнит сам допрос.

Харкерт побледнел.

— Мэри тоже?

Никто не ответил сразу. В прихожей раздался звонок. Слуга принёс Риду записку от участка. Инспектор прочитал и выругался вполголоса.

— Пелла нашли.

— Где? — спросила Элеанор.

— У доков в Уоппинге.

— Живого?

Рид сложил записку.

— Нет.

Томас Пелл сидел у кирпичной стены склада, будто уснул после выпивки. Его кепка лежала рядом в луже. На груди не было крови; убийца вошёл со спины, точно между рёбрами, и аккуратно застегнул пальто поверх раны. Элеанор осмотрела руки. Серебра под ногтями не было.

— Не сопротивлялся, — сказала она.

— Или знал, что происходит, — ответил Рид.

За левым ухом Пелла были те же проколы.

— Значит, сначала из него что-то вытащили, — сказала Элеанор. — Потом убили.

В карманах нашли двадцать семь фунтов, билет до Дувра на утренний поезд и ключ с биркой «Б-14». Ещё была записка без подписи: «Последняя доставка в четверг. После этого уезжай. Пластины Ф. передай лично». Рид перечитал.

— Фарроу.

— Вероятно.

На обороте стоял адрес: Бримстон-лейн, 14. Склад на Бримстон-лейн находился в десяти минутах ходьбы. Рид вызвал ещё двух констеблей и велел Элеанор ждать в экипаже.

— Нет.

— Там может быть убийца.

— Там может быть лаборатория. Ваши люди не отличат носитель от оконного стекла.

— Я отличу.

— После сегодняшнего описания — возможно. А если прибор включён?

Он посмотрел на неё с таким выражением, будто заранее ненавидел согласие.

— Держитесь позади.

— Я фотограф. Мы всегда позади. Там лучший свет.

Бримстон-лейн была узкой улицей между складами кожи и корабельных снастей. Дом номер четырнадцать оказался бывшей мастерской хирургических инструментов. Ключ Пелла подошёл к боковой двери. Внутри было пусто на первом этаже. На втором нашли три комнаты. В первой — склад коробок. Во второй — кровать, ремни и резонатор новее клинического, с вращающимся барабаном на двенадцать пластин. Третья была тёмной комнатой. Элеанор увидела на полке знакомую бутылку и остановилась.

Этикетка выцвела, но почерк отца сохранился. «Раствор М-7. Не нагревать». Она сняла бутылку.

— Это из лаборатории Генри.

Рен подошёл ближе.

— Невозможно. После пожара всё вывезли на склад университета.

— Значит, не всё.

Рид обыскивал стол. В нижнем ящике лежала папка со списком фамилий. Семнадцать человек. Уикс и Харкорт были зачёркнуты. Фарроу стоял сбоку, без номера. Напротив каждого имени — даты, суммы, короткие пометки. «У. — фильтр календарный, устойчив». «Х. — семейный кластер, распад быстрее расчёта». «Беннет, Э. — спонтанный приём внешнего сигнала».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.